

18+

Яна Баззи

Ветер начинается в ноябре

Яна Баззи

Ветер начинается в ноябре

«Издательские решения»

Баззи Я.

Ветер начинается в ноябре / Я. Баззи — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-599563-6

Герой романа вступает в сознательную жизнь в 90-х годах двадцатого века и под воздействием идей «чистогана», деформирующих сознание, вместе с товарищами совершает преступление — разбойное ограбление ювелирного магазина. Описывается жизнь заключенных в тюрьме города Астрахани, борьба их с милицейским произволом, описаны взаимоотношения Алексея с воровским авторитетом Мухой — хлебником Васи Брильянта. Повесть написана с помощью творческого осмысления реальных фактов, типичных для того времени.

ISBN 978-5-00-599563-6

© Баззи Я.
© Издательские решения

Содержание

Яна Баззи	6
Юность	8
Холодный ноябрь	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ветер начинается в ноябре

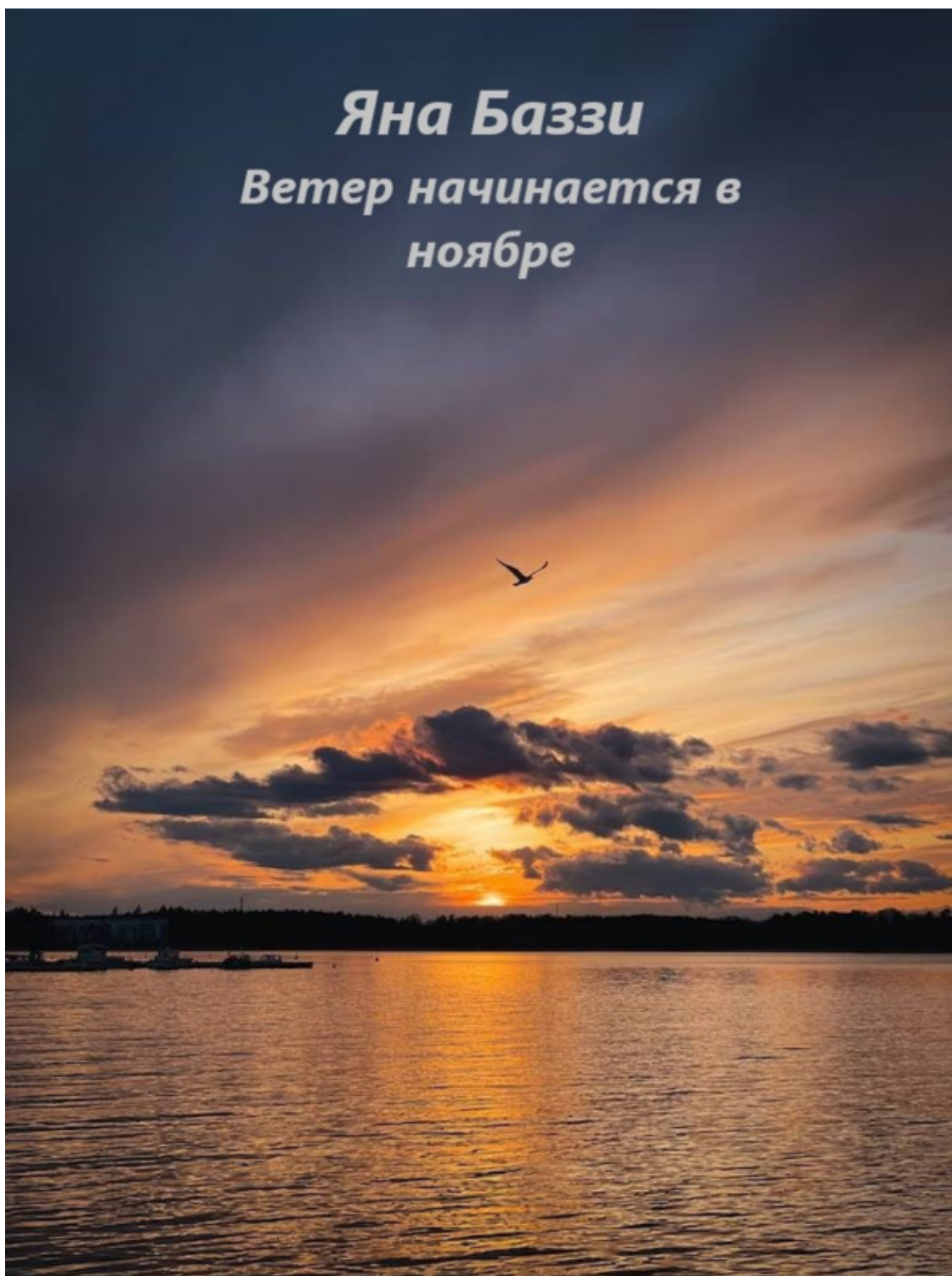
Яна Баззи

© Яна Баззи, 2023

ISBN 978-5-0059-9563-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Яна Баззи
Ветер начинается в ноябре

Предисловие

Мое поколение начинало свою сознательную жизнь на грани двух различных классовых обществ, а в своем зрелом становлении – на рубеже двух столетий: XX века с его неудержимым

стремлением к вершинам человеческой мысли и художественного творчества, искусства, обращенного к самым прекрасным свойствам человеческой общности, и XXI, сдернувшего вуаль с деструктивных явлений во всех сферах человеческой деятельности. Нулевые годы нашего столетия подготовили двадцатые годы XXI века, переместивших людей в общество социальных платформ. Этот период нахлынул на человечество девяти бальным штормом. События того времени насыщены трагическими случаями и причастны к значимым социальным явлениям. В молодом возрасте дети конца XX века увидели, как бесцеремонно и напористо сбрасывали с пьедесталов их кумиров и очерняли, все то, что казалось святым и незыблемым с раннего детства, а воспитание их подверглось самому жестокому бичеванию и пересмотру. Обещание, данное автором, когда начиналась работа над книгой, было в стремлении не только дать реалистичные картины жизни того времени. Также оно было в желании показать мир, увиденный глазами и тех, кто наполнял ее жизненный путь, а и тех, кто остался за рамками произведения, но способных узнать себя в героях повести. И может быть, соединившись в символе трех великих Д., представители опыта и вдохновения реалистической прозы с толикой снисходительности смотрят на нас. *

Юность

*Запомните мой завет: никогда не выдумывайте
ни фавулы, ни интриг. Берите то, что дает сама
жизнь. Жизнь куда богаче всех наших выдумок!
Никакое воображение не придумает вам того,
Что дает иногда самая обыкновенная, заурядная
жизнь, уважайте жизнь!
Федор Достоевский*

Говорят, лицо есть зеркало души. Примем это на веру, если зеркало понимать как окно, в которое смотрит на общество человеческая душа, и через которое на нее смотрит мир. Прекрасным солнечным майским днем, когда воздух насытился ароматами сирени, а деревья уже уверенно шумели молодой листвой, густая трава раскрасилась яркими соцветиями одуванчиков, иберийки и барвинка, молодой человек во фланелевой рубашке с полосатой текстурой и светлых вываренных джинсах с зауженными брючинами уверенно и беззаботно шел по улице провинциального крымского городка. Его светлая кепка шестиклинка с небольшим круглым козырьком, сдвинутая почти на самые глаза, скрывала широкие светлые брови неправильной формы с изломом посередине, несколько портившие общее приятное впечатление от лица с крупными правильными чертами и маленьким подбородком. Приподнятое настроение парня гармонизировало с прекрасной погодой; в кармане вместо пачки сигарет лежал только что купленный билет на поезд до Астрахани, шум деревьев и облака пели хорошо известными аккордами рока о походах по разным дорогам.*

Миновав прямую улицу с пятиэтажными домами, он шел по извилистой дороге до самого поворота, между невысокими постройками частного сектора, утопающего в море зелени и цветочных ароматов. Дойдя до конца переулка, где он сворачивал под прямым углом, молодой человек неожиданно увидел толпу детей разного возраста, которая с разноголосым шумом, сродни суматохе цыганского табора, наводнила улицу. Несколько детей лет шести-семи, поочередно толкая ручку, катили затасканную открытую детскую коляску. На ней был водружен большеголовый мальчуган с худым и неразвитым тельцем. На вид ему было не более года-полтора, хотя на самом деле уже давно исполнилось два. Рот его был закрыт большой соской – пустышкой с грязно-розовым ободком, одежда казалась застиранной, и имела неопределенный цвет. Широко открытыми, неподвижными глазами старика, познавшего и голод, и холод, он взирал на окружающий мир. Что-то страшно – предопределенное и в то же время вопрошающее чудилось в его взгляде. Его смиренный немой укор был так контрастен грубому веселью старших детей, что Алексей замедлил шаг и с интересом начал рассматривать ребятню. Старшая девочка, покрикивая на малышей, забрала у них коляску, она была одета лучше других, но вязаная зеленая кофта с обтрепанными рукавами и широкая бесформенная юбка бежевого оттенка выдавали, что одета она с чужого плеча. Мальчики в стоптанных больших, не по размеру, башмаках перебрасывали друг другу наполовину сдутый футбольный мяч грязно-розового цвета. Приблизившись к двухэтажному дому, они пересекли палисадник, отгороженный низким забором, и скрылись за покосившейся фанерной дверью, ведущей в пристройку к первому этажу. Масляная краска темно-синего цвета на двери была облуплена с обеих сторон, палисадник пестрел от разбросанных старых вещей: перевернутой детской ванны с трещиной, старой зеленой лейки, пустых цветочных горшков, пластиковых бутылок из-под пива и сладкой воды. В довершении неприглядной картины в одном из углов палисадника виселась горка яркого хлама из старой одежды, рядом стояло грязное бордовое кресло, и лежал, запомнившийся Алексею розоватого оттенка, наполовину сдутый мяч. Поддавшись первому порыву,

жалел ребенка в коляске, он хотел купить ему что-нибудь, например, мороженое, но дети скрылись, и из-за двери больше никто не показывался. Он сам себе задал свой любимый вопрос: « – Зачем мне все это надо?», дальше последовал весьма практичный ответ, и, махнув сверху вниз рукой, парень последовал дальше.

– Не хотел бы я, чтоб мои дети росли в таких условиях, – мелькнула у него мысль.

Это зрелище внезапно изменило ход его мыслей. Алексей ясно помнил, как трудно было его матери, оставшись без мужа, воспитывать Лешу со старшим братом Витей. Своего отца – рослого молодежьавого мужчину с копной русых волос, несколько вздернутым смешливым носом, Леша уже нечетко находил в своих детских воспоминаниях. Папа погиб, когда Алексею было пять лет. Его и сейчас волновала эта картина неровной тропинки, уходившей к мутной воде Михайловского озера с расходящимися темными кругами от крупных капель дождя. Смерть папы потрясла Лешу. Растерянный и бледный, он неровной походкой сновал вперед и назад по мокрой дорожке, пытаясь проникнуть в тайну этого слова – смерть. Образ отца то неразлучно следовал за ним к озеру, то удалялся и скрывался между соседскими домами за пригорком. Ребенок долго плакал, вспоминая вой баб над украшавшими последний путь отца цветами. Ему до боли хотелось выйти из этой дождливой картины и побежать совсем по другой, залитой солнечными лучами дорожке на рыбалку, к совсем другому светлому озеру. Он чувствовал, как стук капель по воде и мутная глубина озера подталкивают его броситься в эту серую темную воду, утонуть, чтобы все это прекратить, затушевать безрадостную картину другими красками. И проснуться на берегу совсем другого озера с удочкой и ведерком, полным наловленной рыбы. Мать любила Лешу по своему и даже ревновала к бабке Марии – матери мужа, помогавшей воспитывать мальчиков, и особенно тепло заботившейся о младшем внуке.

Он миновал половину дороги до дома, когда его воспоминания были прерваны неприятно резкими звуками внезапно остановившегося автомобиля.

– Привет, братишка, как жизнь? – изрекла, высунувшаяся из окна авто, наглая рожа с кривой ухмылкой, улыбаясь пустыми брызгами зарубежной итальянской музыки.

– Рад повидать тебя, а мне сказали, что уже отчалил, – продолжал говорить рот с торчащей в углу сигаретой.

– Послезавтра уезжаю, билет на восемь часов вечера, – ответил Алексей, всем своим видом давая понять, что в ближайшие дни очень занят.

– Приходи сегодня на Пилигрим, – (так называют площадку под навесом в конце села местные жители, искренне уверенные, что село Михайловка – лучшее место на Земле).*

– Соберутся все наши, потусим, побухаем. И Славик подтянется, он сейчас бакланит, нечем заправлять трактор, – настаивал малознакомый Леше односельчанин – Артур, про которого Алексей знал, что тот вынес магазин в городе.

Услышав, что будет его лучший товарищ, он обещал подумать, так как в этот приезд домой был занят и мало с кем виделся. Они скоро попрощались.

– Значит, жду, – крикнул Артур вслед Алексею.

Вспомнив о друге детства – Славе, который был на два месяца старше, он свернул на хорошо знакомую улицу. Его давний приятель разделял с Лешей все свободное время от школьных занятий, понимал он и страсть друга к лошадям. Переход в отрочество запомнилось им бесконечными конными походами, ради которых, они на время угоняли благородных животных из совхозных конюшен. Еще одним «конокрадом» в их компании был Анатолий, живший через несколько домов от совхозной усадьбы и с раннего утра высматривавший рысаков для рискованных путешествий. Алексей первый раз сел на коня в пятилетнем возрасте, когда помогал конюху мыть лошадей. Тепло от крупа животного наполняло радостью приятных ощущений, током, пробегавшим от ног и доходивших до самой макушки. Интерес и страсть мальчиков к лошадям объяснялись и природной смелостью, и неосознанными порывами мужского характера. Штаны пропитывались соленым потом лошадей, оставляя яркие

следы, по которым бабушка Мария всегда знала о его ночных побегах. Чаще всего, насладившись бешеной скачкой по полям соседних деревень, они возвращались, бросали лошадей поближе к конюшне и добирались домой пешком. Весна и лето вихрем проносились, пока осеннее бездорожье и тяжелая одежда не усаживала подростков по своим домам, но и тогда они находили занятие по душе. Старший брат Алексея – Виктор, как и большинство селян, держал голубей. Между соседскими дворами был договор «отдачи» чужого голубя, случайно залетевшего в соседскую голубятню; между проживавшими на разных улицах и смежными деревнями наоборот существовала договоренность «не отдачи». Когда поднимали голубей, соседи пытались посадить птиц к себе во двор, высматривали, заманивали доверчивых пташек, затем перематывали от трех до семи перьев крыла нитью. Чтобы вернуть потом таких голубей, приходилось поспорить, доходило, что и за ружья хватались. На улице старались дружить с «отдачей», и лишний раз не ссориться. Однажды, Степа – одноклассник Виктора, поймал любимого голубя Славы с редким ярко-лиловым оперением хвоста и посадил его на петлю, связав пять перьев правого крыла. Вячеслав несколько недель безуспешно искал пропажу. Случайно, вначале осенних каникул, забравшись на смежный забор, отогнать хитрого и пронырливого соседского кота, нападавшего на кур, Алексей увидел Славкиного голубя с петлей на крыле. Случившиеся после этого события, Леша видел, как в замедленной съемке: вот он, перемахнув через забор, подхватил связанную птицу и бежал к другу, а через несколько минут тот уже дрожащими руками настроил большую рогатку, из которой расстрелял Степину голубятню и многих его голубей. Возмущенный воздух наполнился женскими и мужскими криками, а дорога к озеру замелькала подошвами стоптанных ботинок, окончившись блеском озера и зелено-коричневым пятном высоких камышей, надежно спрятавших их со Славиком. Расцеловав находку в голову и клюв, сняв петлю, они подкинули голубя высоко вверх и долго следили за поднимающимся в голубую лазурь найденышем, пока тот не превратился в черную точку. Друзья горячо спорили о том, сможет ли Слава на высоте отличить от других птиц своего голубя по яркому хвосту. При этом Алексей утверждал, что видит красный голубиный клюв, а его друг настаивал на лиловом хвосте. Домой возвращались поздно вечером через дамбу и озеро, а вслед им добродушный ноябрьский ветер бережно нес отыскавшуюся птицу. За расстрелянных голубей родителям Леша и Славы пришлось отдать соседям пару уток. Еще несколько случаев голубиной верности запомнились Алексею, и связаны они были с возвращением птиц домой через несколько лет. Бывало, что под свист ребят, голуби поднимались слишком высоко и стояли под облаками несколько часов, пока внезапно налетевший ветер, не уносил их далеко от дома на север, до самой Керчи. Но верные птицы возвращались к хозяину в родную деревню через год или два, и про таких голубей говорили клятый голубь или клятая голубка.*

Астраханское речное училище, сейчас КИМРТ и речное пароходство «Волготанкер»

Человек-это поле битвы между Богом и

Дьяволом.

Федор Достоевский

Заканчивались восьмидесятые, начинались девяностые годы двадцатого века.

На свои первые деньги штурманской практики Алексей купил чудесный перстень. В универмаг пошли вдвоем с Гогой. Его товарищ купил кольцо за девятьсот восемьдесят шесть рублей, прекрасное, золотое с большим бриллиантом посередине. Такого же для Алексея не нашлось, размер все не подходил. И вот среди золотого блеска витрин мелькнула бирюзовая волна – перед Лешей лежал крупный перстень с изумрудом посередине и двумя бриллиантами в огранке. Одиннадцать грамм золота, двадцать одна сотая грамма платины – прочитал он на бирке. Цена была, правда, высоковата: тысяча сто шестнадцать рублей. Он надел кольцо на безымянный палец правой руки, размер великоват, а на среднем – в самый раз. Изумруд подмигнул Алексею, и алмазы одобрительно засияли еще ярче. Не раздумывая ни минуты, он

оплатил покупку в кассе. Ювелирное изделие было с ажурным золотым узором в виде сердца и редким орнаментом в виде завитушек, похожих на соединенные с разных сторон скрипичные ключи. Изумруд возвышался между двух бриллиантов, и его яркий галактический огонь соединялся с не менее фантастическим сиянием алмазов, уводя воображение Алексея в космические просторы. Подмигнув будущему капитану мерцанием межпланетных кораблей, он манил своим сиянием к далеким заманчивым звездам, звал в дальние странствия по морям и океанам. Его настроение, как и жизнеощущение миллионов его соотечественников того времени, отзывалось на ожидание счастливых перемен, веру в лучшее. Как и все, он понимал, что возврата к прежнему укладу жизни уже не будет, но не знал, что ждет их после свершения стартовавших изменений.

Алексей учился на четвертом курсе. И учеба, и практика в речном училище близилась к своему логическому завершению. На последних курсах студенты больше внимания уделяли культурным мероприятиям, ходили в кинотеатр на картины: «Кин – дза – дза!» и «Назад в будущее», посещали достопримечательности Астрахани с экскурсиями, любили развлечься на дискотеках. Один из дискотечных вечеров оказался судьбоносным для Алексея.

Впервые Леша увидел ее на субботнем ноябрьском вечере; праздники устраивали у них в речном училище после восемнадцати часов. Ему сразу приглянулась не только красивая девушка, а и ее строгое, скромное, классическое темно синее платье, штампованное рисунком морского огурца. Оно было с короткими рукавами, окаймленное широкой белой полосой, с накладным белоснежным полукруглым воротником вокруг скромного выреза. Сдержанная классическая одежда мало соответствовала атмосфере дискотеки. Девчонки принаряжались на танцы платьями с разрезами и глубокими декольте. На многих была вычурная бижутерия: большие клипсы, яркие ожерелья. Вначале ему пришлось танцевать с ее подругой – Еленой, так как Ольга уже была приглашена другим курсантом со смешным прозвищем Гуня. Еще не отзвучали последние аккорды мелодии, а Алексей был уже возле Ольги.

– Я приглашаю вас на танец, – сказал он взволнованно и погрузился в ее легкий цветочный аромат, – с этой простой фразы тогда начинались длинные и короткие истории, серьезные отношения и мимолетные встречи. Ольга вначале слегка держалась за его плечи, вытянув руки. Но, любуясь его беззаботной улыбкой, и почувствовав жгучую серую лазурь Лешиних глаз, вдруг плавно обвила руки вокруг его шеи, скрестив пальцы на затылке. Танцевать им было приятно, они оба прислушивались к тому чудному и невнятному, что происходило в них в такт музыки. Алексей с удовольствием продолжал любоваться ее статной сбитой фигуркой, круглым овалом лица в обрамлении русых шелковистых локонов, растворяясь в цветочном облаке девичьего запаха, и снова приглашал ее на медленный танец. Он не отзывался на вопросы сокурсников, боясь лишним словом испортить прекрасный рисунок, который сплетался из тонких линий их движений, взглядов и фраз.

В зале в тот вечер было жарко, хотя в короткие минуты тишины между мелодиями сквозь рамы больших окон прорывался ноябрьский синий ветер. Он спорил с эквалайзером и колонками, из которых разливалась веселая музыка, игриво крутился между танцующими парами, проникал под их одежду и, поднявшись к светильнику «звездное небо», незаметно исчезал в вышине.

И трубный призыв такого же ветра в дальнейшем будет уносить Алексея к живым и режущим нервы до слез, картинам, сцепленных короткими событиями на судне. Он любил свою профессию, боготворил особенный запах Волги, проводил дни и ночи на корабле, не гнушался никакой работы, на практике применяя свои знания и жадно впитывая новый опыт. Первого Лешиного капитана на судне «Улан-Батор» пароходства Волготанкер звали Эдмунд Лазаускас. Невысокого роста, крепкий, с широкими плечами, он всем своим телосложением олицетворял надежность и основательность. Всегда чисто выбритый и коротко подстриженный, капитан любил без повода одеть свою парадную форму, включавшую черные брюки, такого же цвета

галстук и ботинки, белую рубашку и светлый пиджак с погонами, соответственно его рангу. Речная повседневная форма, состояла из капитанской фуражки и бежевого комплекта, всегда аккуратно выглаженного. Именно Лазаускас научил Озерова секретам штурманского мастерства, как держать курс по глубокому руслу реки между отрогами, чтобы не посадить корабль на мель, как обходить накаты. Если опытный капитан замечал, что у его помощника не получается правильно и быстро проложить курс навигации, рассчитать с циркулем и линейкой расстояние, он давал стоящие советы:

– Зачем нам это оригами*? – иронически улыбался он, рассматривая лист с цифрами и чертежами.

– Смотри, как надо без лишних обдумываний настроить гирокомпас и проложить путь, – и он, легко отстранив Алексея, показывал, как надо действовать.

– В свободное время, когда на пришвартованном корабле возле судоремонтного завода имени Ленина было пусто, а вечерние мягкие сумерки, пропитанные запахом сине-зеленых водорослей, уже висели на крыльях и палубе, Леша с матросами ловил рыбу: селедку, воблу, судака. Селедку тут же окунали в ведро с тузлуком, через несколько часов засоленную рыбу подавали к ужину. Озерову дали общежитие, но его привязанность к речному делу и дружной команде оставляла молодого помощника капитана на корабле и после смены; здесь он и ночевал в комнате рядом с капитанским кубриком. В иные вечера к Алексею на судно приходила Ольга и оставалась с ним до утра. В такие ночи пылкий ветер тихими серебристыми от лунного света волнами, долго носил по реке смутные силуэты обоюдоострых ощущений молодых влюбленных. Эдмунд с высоты своих семидесяти лет с долей добродушия, снисходительности и понимания относился к пребыванию Ольги на корабле. В его отношении к своему помощнику было много отеческой заботы, и Алексей отвечал ему уважением и исполнительностью. Под руководством Лазаускаса, он выучил наизусть участки судоходного пути от Астрахани до Ленинграда и от Астрахани до Перми. Ему нравилось стоять за рулем ранним утром, когда в сине-сиреневых сумерках не было видно берегов просторной Камы из-за ширины ее русла в месте впадения в Волгу до двадцати семи километров. Так было у берегов Казани, и, выйдя на середину реки, сложно было ориентироваться по буям и створам. Он стоял на корме, охватывая прекрасный простор и смешивая его в своем сердце с событиями дня, не замечал времени. Желтая дорожка от солнца на серо-зеленой глади становилась все шире, пока не заливала золотом всю реку и палубу корабля, наделяя рулевого могуществом желтого металла. Весь мир тогда подчинялся поворотам штурвала в руках вдохновенного кормчего. Вот раздвинулся массивный мост, пропустив их стремительный бег через полукруглый вход, показались и остались позади журавлиные шеи грузовых кранов вперемешку с машинами на правом берегу, полосы сосновых лесов и ясеней превратились в заливные луга из осоки и алтея слева. Корабль вдохновенно спешил вперед, пока неуклюже с обеих сторон не надвигались берега, склоны которых становились все круче, и, перейдя в скалы, заслоняли солнце. Тогда золотая картина менялась, под темным покрывалом тени она отдавала последние яркие лучи крылу судна, и возвращала Алексея из приятных мечтаний на палубу, кренившуюся от подводного течения.

Однажды, вернувшись из рейса по Неве, корабль надолго оказался на мели из-за прекратившихся грузоперевозок и застрял в порту Астрахани. Ситуация изменилась слишком быстро, превратив успешного, перспективного первого помощника капитана в безработного, не нужного в пароходстве новичка. Штурманам, боцманам, электромеханикам, как и простым матросам, пришлось стать таксистами, строителями, торговцами. Леша стал приторговывать красной рыбой и черной икрой, перевозя товар из Астрахани в Крым. Но хотелось чего-то лучшего, торговля речными продуктами оказалась непростым занятием. После порчи большой партии рыбы свежего копчения, не выдержавшей летней жары, Алексей задумался о другой работе. Он искал правильный выход, поступил же примитивно грубо. Тогда само время вмешалось напомином своей быстротечности, усилив желания к быстрому успеху и материальному благосо-

стоянию. Поиски своего отражения в море Ольгиной жизни задели честолюбивые и эгоистичные струны его души. Озеров интуитивно чувствовал, что целеустремленность и честолюбие его возлюбленной позволят далеко пойти в своей медицинской карьере.

– Может быть, голубка моя, ты станешь профессором, преподавателем в академии, – рассуждал Леша, вспоминая командирские замашки Ольги.

– А кто я сейчас: штурман без работы. Да может быть временно, может надо преодолеть эти трудности, и вновь появиться занятость в пароходстве, и опять будут неплохо платить, – думал он.

Леша тогда не знал статистических данных, что количество речных грузоперевозок в девяностые годы упало почти на девяносто восемь процентов, по сравнению с советским временем.

– Не вздумай увольняться, отпуск за свой счет через несколько месяцев закончиться, – вразумлял его Лазаускас.

– У тебя есть способности, через пару лет можешь стать самым молодым капитаном в нашем речном пароходстве, – уговаривал наставник своего помощника.

Ожидание в тот момент казалось Алексею бесплодным, а у него были серьезные планы: жениться на Ольге, и чтобы у них были дети, обязательно мальчик и девочка. Решившись идти напролом, он долго сомневался. Как сошлись, скрестившись вместе, корыстолюбивые порывы темной стороны его души и неосознанная тяга к чему-то лучшему и большему, он не мог понять и дать себе в этом отчет. Так и не помнил Алексей точно, когда и как желтая дорожка заходящего солнца на Волге слилась с золотым блеском золотых украшений; впервые явив, а потом и закрепив в голове навязчивую мысль об ограблении магазина. А только никак он не мог избавиться от этой роковой мысли. Что бы он ни делал, занозистая картина успешного хищения драгоценностей из ювелирного бутика цепко держала его внимание. Четких мотивов Леша не понимал, да и не хотел разбираться из-за врожденной небрежности и презрительного отношения к духовному труду. Бессодержательность жизни и стремлений привели его к нравственному тупику; привыкший решать все легко и быстро, стирая в своей голове препятствия, он находил лишь один выход. В его представлении ограбление магазина – это было единичное событие, чтобы дать старт дальнейшему бизнесу в торговле. Итак, он решился попытаться рискованного счастья в большом городе.

Холодный ноябрь

*Дорога вниз имеет мало остановок.
Теодор Драйзер*

Оставшись без работы и мучаясь от непривычного безделья, Славик несколько лет проработавший трактористом в процветающем совхозе, поддержал друга и собрался тоже ехать в Астрахань. Анатолий несколько месяцев назад сопровождавший Алексея в поездке за красной рыбой и черной икрой для последующей перепродажи, легко присоединился к ним. Парни не были женаты, за исключением Анатолия, самого старшего из них, имевшего двоих детей в возрасте двадцати шести лет. Одев тулупы, втроем выехали в Симферополь; из-за резкого северного ветра уже в середине ноября было по-зимнему холодно. Быстро промелькнувшая дорога, с серо-коричневой степью и островками одноэтажных домов придорожных поселений за окном автобуса, запомнилась широким простором облачного неба, открывавшегося по правую сторону от дороги. Объемный пейзаж туч всех оттенков серого и синего цветов над ними постоянно менялся, двигаясь с востока на запад; и гора Чатыр-Даг, виднеющаяся впереди автобуса, с трудом находила себя на горизонте среди вороха похожих на нее темных облаков. Безлюдные улицы не мешали ветру поднимать столбы пыли и разбрасывать мусор по обочинам дороги. Несколько минут они стояли напротив башни с часами, стрелки которых, переходя от цифры к цифре, насаживались на фигурки знаков зодиака по окружности и прикрывались сверху от холода двойным полукругом в виде козырька. Алексей смотрел вверх на здание в стиле Сталинского ампира с северной стороны, где циферблат был плохо виден из-за густых веток тутового дерева с жирным тройным стволом, напоминавшим о его почтенном более, чем пятидесятилетнем возрасте. Посередине, на светлом фоне стены, густым басом пели два узких оконца, отсчитывая время каждые пятнадцать минут. Алексей вспоминал удачливого знакомого, которому, как с гуся вода, обошла его выходка – ограбление магазина. Молодой человек так настойчиво думал об этом случае, что, как факир из дыма, своими заклинаниями вызвал перед собой Артура. Дойдя почти до конца привокзальной площади, он увидел его, стоящим у входа в небольшое кафе и покуривающим сигарету. Стрелки часов показывали начало шестого, и до отправления поезда еще было время. *

– Сейчас уезжаем в Астрахань, поезд отправляется в восемь, – преувеличенно поздравившись, изрек Алексей, нервно переступая с бордюра на дорогу и обратно. Без лишних расспросов односельчанин прекрасно понял цель их поездки в город. Случайно оказавшись единственным провожающим на поезд молодых людей, смутно представлявших план своего мероприятия, он пожелал им успеха, умалчивая свой вывод об их затее и думая про себя: «Ничего у вас не получится». Но сопереживая своим землякам, смело отправившимися из деревни в большой город, желая хоть чем-то помочь, вместо денег, он дал каждому по золотому кольцу, происхождение которых им суждено было узнать только через двадцать лет.

– Держите, могут пригодиться, – сказал Артур, отдавая кольца.

Молодые люди пока еще не были придавлены бедностью, но уже понимали, что такое, когда не хватает средств на приобретение самого необходимого. Неуверенность в завтрашнем дне и неумолимый жгучий порыв, пропитанный духом западной зеленой бумаги, гнали парней в направлении быстрого обогащения. Авантюристический ветер вырвал из их рук веретено жизни и начал раскручивать его по своему усмотрению. Из-за рекламных щитов выглядывало, хитро улыбаясь, чудовище коварства в синем пиджаке, брюках красно-белую полоску и звездами на цилиндре:

– Скоро увидим, куда вы завербовались, ослабилось оно, кровожадно потирая руки. *

В Астрахани было еще холоднее: двадцати четырех градусный мороз обжигал щеки и подбородок, а шквалы свирепого урагана сбивали с ног. Как и в предыдущие разы, когда Алексей приезжал за свежей икрой и речной рыбой для перепродажи, стал жить у Ольги, которая снимала в аренду двух комнатную квартиру. Его друзья поселились в одном из крыльев частного дома на той же улице, где расположился и Леша. По утрам в течение следующих двух недель заходили в разные магазины, пристреливаясь к товару. Один из магазинов – «Березка», показался особенно соблазнительным и удобно расположенным. Он находился в центре города рядом с областным управлением Министерства внутренних дел, и охраны в нем никакой не было. Утром трое продавцов раскладывали под стеклянной витриной золотые и серебряные украшения, изделия с драгоценными камнями: бриллиантами, топазами, рубинами, особенно много было изделий с бирюзой и изумрудами. Был здесь и другой товар: меховая и кожаная одежда, бытовая техника. Рассматривая изделия на витрине, Алексей заметил кольцо с изумрудом и двумя брильянтами, похожее на его кольцо, купленное три года назад. Оно было меньшего, чем его перстень размера, и Леша мысленно подмигнул ему, решив после успешного завершения дела, подарить Ольге. Теперь он не сомневался в выборе объекта для нападения. На мгновение витрина показалась ему мерцающим разноцветным ковром на палубе большого, пышно убранного корабля, сверкающего в темноте ночного океана. Сколько раз на огромной дороге своей мечты, он, стоя на капитанском мостике, давал распоряжения экипажу и радостно увозил любимую в неведомые страны, осыпал дорогими сокровищами и подарками. Но как же трудно изловить свое счастье.

– Зачем искушаюсь, Господи, – тихо простонал Алексей.

Но его стон утонул в грохоте и скрежете заводских станков и фабричных труб, валившихся под невидимым напором и превращающихся в кусочки резанной импортной бумаги с гипнотическим названием доллар.

– Не жалуйся, все идет по плану, – лязг и треск разрушений перекрыли его слабый голос.

Низкие тучи хмурого, раздосадованного неба старались упасть на землю спасительным огнем, пытаясь потушить огонь алчности и безрассудства, захлестнувший землю. Но им не удалось предотвратить событий, когда целые отрасли промышленности, бывшие достоянием всей страны, переходили в частные руки, и судьба многих была незавидной. Редким предприятиям удавалось выжить, потеряв статус народной собственности из-за рыночных условий, подкопивших все производства с высокой добавленной стоимостью. Двадцати семи, тридцати – летние воротилы, получив в собственность огромные производственные мощности, сочли более выгодным для себя порезать станки и другие средства производства на металлолом и распродать, чем заниматься делом. К тому времени энергия ветра перемен была окончательно обуздана враждебными силами, направившими свободные порывы общества в деструктивное русло, безоговорочно уничтожая неординарные личности, способные противостоять злу и направить поток в другую сторону. Уже давно погибли многие, среди них числились Петр Машеров и Владимир Высоцкий, Анна Кирьян и Виктор Цой, и множество других, и свежим красно-бурым пятном зиял кровавый октябрь девяносто третьего года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.